

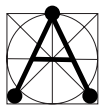

Л. Марская

ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Рисунки А. Власовой

АСТ • Москва

КНЯЖНА
ДЖАВАХА

Часть первая

НА КАВКАЗЕ

Глава I

Первые воспоминания. Хаджи-Магомет. Черная роза

Я грузинка. Мое имя Нина — княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Род князей Джамата — славный род; он известен всему Кавказу, от Риона и Куры до Каспийского моря и Дагестанских гор.

Я родилась в Гори, чудном, улыбающемся Гори, на берегах изумрудной реки Куры.

Гори лежит в самом сердце Грузии, в прелестной долине, со своими развесистыми чинарами, вековыми липами, мохнатыми каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздух пряным запахом красных и белых цветов. А кругом Гори — развалины башен и крепостей, армянские и грузинские кладбища, дополняющие картину, отдающую чудесным и таинственным преданием старины...

Вдали белеют перловым туманом могучие, недоступные вершины Кавказа — Эльбрус и Казбек, над которыми парят гигантские серые орлы...

Мои предки — герои, сражавшиеся и павшие за честь и свободу своей родины.

Еще недавно Кавказ дрожал от пушечных выстрелов, и всюду раздавались стоны раненых. Там шла непрерывная война с полудикими горцами, делавшими постоянные набеги на мирных жителей из недр своих недоступных гор.

Во главе горцев стоял храбрый вождь Шамиль, одним движением глаз рассылавший сотни и тысячи своих джигитов в христианские селения... Сколько горя, слез и разорения причиняли эти набеги! Сколько плачущих жен, сестер и матерей было в Грузии...

Но вот явились русские и вместе с нашими воинами покорили Кавказ и страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смело выступившими на грозный бой с Шамилем, был и мой дед, старый князь Михаил Джаваха, и его сыновья — смелые и храбрые, как горные орлы...

Мое сердце замирало, когда отец рассказывал мне подробности этой ужасной войны.

Я жалела в такие минуты, что не могла скакать с развевающимся в руках белым знаменем среди горсти храбрецов по узким тропинкам Дагестана...

Во мне сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка из аула Бестуди... В ауле этом поднялось восстание, и мой отец, молодой офицер был послан с казачьей сотней усмирять его. Там отец и встретил красавицу Марию — дочь старого Хаджи-Магомета. Ее черные очи и горные песни покорили отца, и он увез Марию в Грузию, где находился его полк. Там она приняла христианскую веру, против желания разгневанного старика Магомета, и вышла замуж за русского офицера.

Старый татарин долго не мог простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень рано. Когда я ложилась в кроватку, она присаживалась на край ее и пела песни с печальными словами и грустным мотивом. Она хорошо пела, моя бедная красавица деда¹!

Голос у нее был нежный, будто созданный для таких печальных песен... Да и вся она была такая нежная и тихая, с большими грустными черными глазами и длинными косами. Когда она улыбалась, казалось, улыбалось небо...

---

¹ *Дэда* — мать по-грузински.

Я обожала ее улыбки, как обожала ее песни... Одну из них я отлично помню. В ней говорилось о черной розе, выросшей в одном из ущелий Дагестана... Порывом ветра дикую розу унесло в зеленую долину... И она загрустила и зачахла вдали от своей милой родины... Слабая и умирая, она тихо молила горный ветерок отнести ее привет в горы... Я любила эту песню, потому что ее пела моя красавица мать.

Часто, оборвав песню на полуслове, деда схватывала меня на руки и, прижимая тесно-тесно к своей худенькой груди, лепетала сквозь смех и слезы:

— Нина, джаным¹, любишь ли ты меня?

О, как я любила мою ненаглядную деду!..

Когда я становилась рассудительнее, меня все больше поражала печаль ее прекрасных глаз и тоскливых напевов.

Как-то раз, лежа в своей постельке с закрытыми от подступившей дремоты глазками, я невольно услышала разговор мамы с отцом.

Она смотрела вдаль, на выющуюся, будто черная змея, тропинку, убегающую в горы, и тоскливо шептала:

— Нет, сердце мое, не утешай меня, он не приедет!

— Успокойся, моя дорогая, он опоздал сегодня, но он будет у нас, непременно будет, — успокаивал ее отец.

— Нет, нет, Георгий, не утешай меня... Мулла² его не пустит...

Я поняла, что мои родители говорили о деде Хаджи-Магомете, не желавшем простить свою христианку дочь.

Иногда дед приезжал к нам. Он появлялся всегда внезапно со стороны гор, худой и выносливый, на своем крепком коне, проведя несколько суток в седле и нисколько не утомляясь длинной дорогой.

Лишь только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповещенная прислугой, сбегала с кровли, где мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесенная ею из родительского дома), и спешила встретить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, поддержать ему стремя, пока он сходил с коня.

Наш денщик, старый грузин Михако, принимал лошадь, а старик Магомет, едва кивнув головой моей матери, брал меня на руки и нес в дом.

Меня дедушка любил исключительно. Я его тоже, и, не смотря на его суровый вид, я ничуть его не боялась...

---

¹ *Джаным* — по-татарски душа, душенька.

² *Мулла* — священник мусульман.

Только поздоровавшись с моим отцом, он усаживался с ногами, по восточному обычаю, на пестрой тахте, я вскакивала к нему на колени и, смеясь, рылась в карманах его бешмета¹, где всегда находились для меня разные вкусные лакомства, привезенные из аула². А в карманах были: засахаренный миндаль, кишмиш³ и медовые лепешки, приготовленные Бэлой — младшей сестренкой моей матери.

— Кушай, джаным, кушай, моя горная ласточка, — говорил он, приглаживая рукой мои черные кудри.

И я наедалась досыта этих легких и вкусных лакомств.

Потом, покончив с ними и все еще не сходя с колен деда, я внимательно прислушивалась к тому, что он говорил с моим отцом. А говорил он много и долго... Говорил все об одном: о том, как упрекает и стыдит его при каждой встрече старик мулла за то, что он отдал свою дочь урусусу⁴, что допустил ее отречься от веры Аллаха⁵ и спокойно пережил ее поступок. Отец, слушая, крутил только свой длинный черный ус да хмурил тонкие брови.

— Слушай, кунак⁶ Магомет, — вырвалось у него в одну из таких бесед, — тебе нечего беспокоиться за дочь: она счастлива, ей хорошо, наша вера стала ей родной. Да и поправить сделанного нельзя... Не беспокой даром мою княгиню. Видит Бог, она не переставала быть тебе покорной. Передай это мулле, и пусть он меньше заботится о нас да усерднее молится Аллаху.

Боже мой, как вспыхнуло от этих слов лицо деда!.. Он вскочил с тахты... Глаза его метали молнии... Он поднял загоревшийся взор на отца и заговорил быстро и грозно, мешая русские, татарские и грузинские слова:

---

¹ *Бешмёт* — род кафтана, обшитого галуном.

² *Аул* — селение горцев.

³ *Кишмиш* — изюм.

⁴ Горцы называли русских и грузин, вообще христиан — *урусами*.

⁵ *Алла́х* — Бог.

⁶ *Кунáк* — друг, приятель.

— Кунак Георгий... ты урус, ты христианин и не поймешь ни нашей веры, ни нашего Аллаха и его пророка... Ты взял жену из нашего аула, не спросясь желания ее отца... Аллах наказывает детей за непокорность родителям... Марием знала это и все же пренебрегла верою отцов и стала твоею женою... Мулла прав, не давая ей своего благословения... Аллах вещает его устами, и люди должны внимать воле Аллаха...

Он говорил долго, не подозревая, что каждое слово прочно западает в головку прижавшейся в уголок тахты маленькой девочки.

А моя бедная деда слушала сурового старика, дрожа всем телом и бросая на моего отца умоляющие взоры. Он не вынес этого немого укора, крепко обнял ее и вышел из дому... Через несколько минут он скакал по тропинке в горы. Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, на стройный силуэт коня и всадника, и вдруг точно что-то толкнуло меня к Хаджи-Магомету.

— Деда! — неожиданно прозвучал среди наступившей тишины мой детский звонкий голос. — Ты злой, деда, я не буду любить тебя, если

ты не простишь маму и будешь обижать папу. Возьми назад твои сладости; я не хочу их брать от тебя, если ты не будешь таким же добрым, как папа!

И, недолго думая, я вывернула карманы, куда набрала привезенные дедом лакомства.

— Кто учит ребенка непочтению к старости? — загремел на весь дом голос Хаджи-Магомета.

— Никто не учит меня, деда! — смело крикнула я. — Моя мама, хоть не молится на восток, как ты и Бэлла, но она любит вас, и аул твой она любит, и горы, и скучает без тебя, и молится Богу, когда ты долго не едешь, и ждет тебя на кровле... Ах, деда, ты и не знаешь, как она тебя любит!

Что-то необъяснимое при этих словах промелькнуло в лице старика. Орлиный взор его упал на маму. Вероятно, много муки и любви прочел он в глубине ее черных кротких глаз, — только его собственные глаза заблестели ярко-ярко и словно задернулись набежавшей в них влагой.

— Правда ли, джаным? — прошептал Хаджи-Магомет.

— О батано!¹ — стоном вырвалось из груди моей матери, и, подавшись вперед гибким станом, она упала к ногам деда, тихо всхлипывая и лепеча одно только слово, в котором выражалась беспредельная любовь: — О батано, батано!

Он схватил ее, поднял и прижал к своей груди.

Я не помню, что было дальше... Я понеслась, как бешеная горная лошадка, по тенистым аллеям нашего сада, не в силах удержать порыв счастья, захватившего могучей волной мое детское сердечко...

Я носилась, задыхаясь, плача и смеясь в одно и то же время... Я была счастлива, как никогда...

Успокоившись, я вернулась в комнату и увидела мать, сидящую у ног деда... Его рука лежала на ее чернокудрой голове, и в глазах обоих сияла радость.

Отец, вернувшийся во время моей бешеной скачки по саду, подхватил меня на руки и покрыл мое лицо десятком самых горячих и нежных поцелуев... Он был так счастлив за маму, мой гордый и чудный отец!

Это был лучший день в моей жизни. Это было первое настоящее, сознательное счастье!

---

¹ *Батано* — господин по-грузински; это слово прибавляют для почтительности.

Вечером у моей постельки они собрались все трое — отец, мать, дед, и я, соединив их большие руки в моих крошечных кулаках, я заснула под тихий шепот ласкового говора...

Новая, чудесная, мирная жизнь воцарилась под нашей кровлей. Дед Магомет чаще приезжал из аула, один или с Бэллой, моей молоденькой теткой — участницей моих детских игр и проказ.

Но счастье длилось недолго. Прошло несколько месяцев после того блаженного дня, как вдруг моя дорогая мама тяжело заболела и скончалась. Говорят, она зачахла от тоски по родному аулу, который не могла навещать, боясь оскорблений со стороны фанатиков-татар и старого муллы.

Весь Гори оплакивал маму... Полк отца, знавший ее и горячо любивший, рыдал, провожая ее худенькое тельце на грузинское кладбище поблизости Гори.

Мне не верилось до последней минуты, что она умирала...

Перед смертью она не сходила с кровли дома, откуда любовалась синевыми вдали горами и серебристо-зеленой лентой Куры...

— Там Дагестан... там аул... там мои горы... Там отец и Бэлла... — шептала она между приступами кашля, указывая вдаль крошечной, почти детской, из-за болезни, рукой.

Я помню с мучительной ясностью вечер, когда она умирала...

Тахту, на которой она лежала, подняли на кровлю, чтобы она могла полюбоваться горами и небом...

Гори засыпал, обвеянный крылом благоуханной восточной ночи... Спали розы, спали соловьи в рощах, спали руины таинственной крепости, спала Кура в своих берегах, и только, одна смерть бодрствовала, поджидая жертву.

Мама лежала с открытыми глазами, странно блестящими среди наступающей темноты... Точно какой-то свет исходил из этих глаз и освещал ее лицо, обращенное к небу.

Отец и я притихли у ее ног, боясь нарушить покой умирающей, но она сама поманила нас трепещущей рукой, а когда мы склонились к ее лицу, заговорила быстро, но тихо и чуть внятно:

— Я умираю... да, это так... я умираю... но мне не горько, не страшно... Я счастлива... я счастлива тем, что умираю христианкой... О, как хороша она — твоя вера, Георгий, — прибавила она, повернувшись в сторону моего отца, припавшего к ее изголовью, — и я удостоилась ее... Я христианка... я иду к моему Богу... Единственному и Великому... Не плачь, Георгий, береги Нину... я буду смотреть и любоваться вами... а потом... не скоро, да, но все же мы соединимся... Не плачьте... прощайте... до свиданья... Как жаль, что нет отца... Бэллы... Передайте им, что я их люблю... и прощаюсь с ними... Прощай и ты, Георгий, моя радость, спасибо тебе за счастье, которым ты одарил меня... Прощай, свет очей моих... Прощай, моя джаным... моя Нина... моя малюточка... Прощайте оба... не забывайте... черной розы...

Потом она уснула... чтобы никогда больше не просыпаться.

Я задремала, прикорнув щекою к ее руке, и проснулась под утро от ощущения холода на моем лице. Рука мамы сделалась синей и холодной, как мрамор... А у ног ее бился, рыдая, мой бедный, осиротевший отец.

Гори просыпался... Я не могла плакать, хотя ясно сознавала случившееся. Точно ледяные оковы сковали мое сердце... А внизу по берегу Куры скакал всадник. Он, видимо, торопился в Гори и безжалостно горячил коня. Я узнала в нем